

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

-
1. Н.Ф.Алиева и др. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
2. Принятие сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая - страницу):
- В - "Bobo". № 27. Jakarta, 1980.
- F - "Femina". №№ 39, 41. Jakarta, 1981.
- K - "Kartini". № 104. Jakarta, 1978.
- PI - "Puteri Indonesia". № 50. Jakarta, 1980.
- S - "Selecta". № 480. Jakarta, 1970.
- UK - Umar Kayam. Bawuk. Jakarta. - Ajip Rosidi. Laut biru langit biru. Bunga rampai sastra Indonesia butaa akhir. Jakarta, 1977.
- VPI - "Variasi PUTRA Indonesia". № 324. Jakarta, 1980.

В. В. Кушев

К ФОРМИРОВАНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО АФГАНСКОГО ЯЗЫКА

Первые зафиксированные в письменных памятниках наддиалектные формы пашто складывались в условиях своеобразной языковой обстановки, при которой язык функционировал в виде весьма многочисленных - по преимуществу, племенных - диалектов и многие из них взаимодействовали с соседними родственными и неродственными языками.

Общие нормы литературного пашто окончательно не выработаны до сих пор, но процессы сложения единого языка начались, несомненно, еще в дописьменный период истории пашто. С определенностью можно говорить об этих процессах лишь со времени появления письменных памятников, сохранившихся до наших дней. В XVI и, особенно, в XVII веке в качестве важного политического, экономического и культурного центра восточных афганцев стал развиваться Пешавар. В этом городе и его районе создавались первые письменные литературные, преимущественно поэтические, произведения. В них проявлялись особенности диалекта их авторов, что было заметно и в графике: в это время появились и эволюционировали несколько разных систем алфавита - свидетельство того, что графика и письменность находились в процессе становления, и того, что литераторы активно в нем участвовали, благодаря чему одновременно наметилась тенденция к некоторым нивелирующим обобщениям на базе пешаварского диалекта, иначе говоря, стало формироваться первое наддиалектное образование пашто - пешаварское городское койне, отражавшее чер-

ты восточной группы диалектов. Это койне явилось средством письменного выражения для восточных афганцев и, не будучи общим литературным языком, оно, как нам представляется, может быть признано региональной литературной формой пашто, охватившей значительную часть племен, самых развитых в то время в культурном отношении и имевших образования государственного типа, которые нуждались в форме языка, обслуживающей административную и хозяйственные сферы жизни.

Процессы, аналогичные по своим результатам, но в силу иных условий иначе протекавшие, имели место в юго-западных областях паштоязычных земель, где несколько позже, в XVIII веке, сложилось свое, западное койне. В предшествовавший тому период в район Кандахара, на обширные территории долин Гильменда и Аргандаба, где жили афганские племена, переселились из горных местностей многие подразделения крупнейшего племени абдали. Большое разнообразие диалектов требовало выбора единого средства общения, и им стал местный кандахарский диалект, так как город был средоточием торгово-хозяйственной деятельности, в которую вовлекалась большая часть племен. Начав играть роль территориального койне западных паштунов и приобретая, очевидно, наддиалектные черты, кандахарский диалект функционально отличался от кешаварского. Кандахар XVI-XVII вв. не был политическим центром самих афганцев, не занимая заметного места в культурной жизни, постоянно находился под властью чужеземных завоевателей, и роль письменного, а для определенных слоев населения и литературного языка в Кандахаре исполнял персидский язык. Широкие возможности для дальнейшего развития кандахарское койне получило с середины XVIII века, со времени образования независимого афганского государства, столицей которого и стал Кандахар. Расширяется социальное функционирование пашто, значительно развиваются культурные, в частности, литературные, связи между обоими центрами.

Таким образом, решающую роль в начальной стадии формирования литературного пашто играли койне Пешавара и Кандахара.

Самые ранние сохранившиеся до нашего времени письменные памятники, созданные на западе паштоязычной территории, относятся именно к XVIII в., но любопытно, что система алфавита в произведениях более ранних восточно-афганских авторов, которая впоследствии практически не претерпела изменений, включает в себя полный инвентарь фонем западного пашто. В связи с этим некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что вопреки культурно-историческим фактам она должна была быть создана в Кандахаре. Однако

мы считаем более вероятным восточное происхождение алфавита: во-первых, уже в самом раннем из всех дошедших до нас сочинений, — а написано оно было на востоке ареала, — установлен полный алфавит пашто; во-вторых, в восточных областях обитали крупные племена, говорившие на диалектах западной группы (вазиры, хаттаки), и из этих племен вышли самые известные поэты XIII века; в-третьих, восточной группе могли быть свойственны те же фонетические черты, что и западной, а изменения произошли позже (что, впрочем, мало вероятно); наконец, нельзя игнорировать постоянные контакты. В таком случае фонетическая система кандахарского койне, сложившаяся в результате смешения западнопаштунских племен, располагая уже готовым алфавитом, не нуждалась в изобретении нового. Видную роль в создании письменной литературы на западном койне сыграл основатель государства Ахмед-шах. Введение пашто в некоторые сферы жизни афганского общества, в делопроизводство, в войско, собственные занятия Ахмед-шаха поэзией, его общение с поэтами восточных областей, создание им дворцовой библиотеки и поощрение распространения рукописных книг и обмен ими — все это способствовало формированию общелитературного афганского языка.

Одним из существенных признаков, отличавших литературный язык от диалектов, было большое количество заимствований из родственных и неродственных языков. Если в диалектах пашто имелась иноязычная лексика (персидская, индийская, турецкая), относящаяся главным образом к быту, повседневной жизни афганцев, которая не чужда и литературному языку, то последний, обслуживая ряд сфер государственной и социальной жизни, науку, культуру, право, религию, широко заимствовала необходимую лексику, в первую очередь терминологическую, из персидского и арабского языков, прежде чем выработал свою собственную.

Заимствования из этих двух языков — самый убедительный момент критерия "заимствования", позволяющего проводить грань между литературной и другими формами пашто и сохраняющего свою надежность и очевидность при определении статуса языка даже сегодня в условиях тенденции к вытеснению персизмов и арабизмов словами афганского происхождения. Персидская лексика особенно легко проникала в пашто, прежде всего в письменный язык, не только под внешним воздействием мощных традиций персидской литературы, но и потому, что персидский язык был вторым языком — иногда вторым родным языком — многих афганских поэтов. В условиях такого двуязычия к внешнему влиянию фарси на пашто присоединялось не менее сильное его проникновение изнутри.

Итак, развитие письменного пашто сопровождалось изменениями в языке, все больше и четче обозначающими его наддиалектность за счет усиления тех черт, которые поднимали его над диалектами и группами диалектов. Но одновременно язык утверждался в этом своем качестве и через внеязыковые явления, к которым в первую очередь относятся факторы, связанные с его социальной ролью, функционированием в литературе. Одной из новых функций письменного языка стала передача его средствами переводов с других языков. Появление довольно многочисленных переводов богословских и религиозно-правовых сочинений, преданий религиозного и светского содержания, поэзии и художественной прозы, исторических хроник говорит о приобретении пашто качеств, необходимых литературному языку: переводческая деятельность была возможной благодаря тому, что к концу XVII – началу XVIII века он достиг достаточного уровня обработанности, создал необходимую терминологию, выработал более или менее определенно основные грамматические нормы.

Без всякого сомнения можно утверждать: интерес, который сами афганцы стали проявлять к своему языку и к его изучению, – а это выразилось в появлении грамматических и лексикографических сочинений, – служит свидетельством нового этапа процесса развития литературного пашто, подтверждением того факта, что афганцы уже не только пользовались письменной формой пашто как межплеменным средством общения, языком многожанровой литературы, но и отчетливо осознавали эту его функцию.

В XVIII – первой половине XIX века возможности литературного языка приближаются к потребностям обслуживаемых им сфер жизни афганского общества.

Однако персидская литературная традиция, многовековое использование персидского языка в делопроизводстве долгое время, уже в условиях самостоятельного афганского государства, задерживали становление пашто в качестве официального государственного языка. Даже в столице Дурранийской империи, несмотря на все усилия Ахмед-шаха, направленные на укрепление роли пашто, персидский занимал господствующее положение: в домах ханов дурранийских племен, в образованных городских семьях, в семьях высших чиновников, в аппарате наместников писали и говорили по-персидски, этот язык оказывал влияние и на представителей племен, вовлеченных в орбиту городских дел. Постоянно прочными были позиции персидского языка в Герате, а после смерти Ахмед-шаха он вновь усилился в Кабуле и в восточных провинциях.

На официальном уровне благоприятные условия для развития паш-

то создались после падения династии Дуррани. Практически (но пока не юридически) пашто стал государственным языком, наряду с персидским, во время второго правления Шер-Али-хана (1859-79), когда эмир, сам сторонник развития и расширения сфер применения пашто, в частности сместил с постов в правительстве и армии многих персоязычных сардаров, заменив их паштоязычными чиновниками. По указанию эмира были введены (или частично восстановлены бывшие в употреблении при Ахмед-шахе) афганские термины для обозначения должностей главы и членов кабинета, титулов наместников, воинских званий от главнокомандующего до младших офицерских чинов, военных команд и названий частей и подразделений, профессиональная и техническая терминология. Появились новые оригинальные и переводные сочинения на пашто. К 1872 году относится первая книга, напечатанная в кабульской типографии, при эмире Абдурахмане вышли в свет издания на пашто, сначала воинские уставы и официальные публикации, затем - произведения классической афганской поэзии. Важное мероприятие было проведено уже в начале XX века эмиром Хабибуллой: пашто занял место в учебных программах министерства просвещения.

К рубежу XIX-XX веков литературный пашто приближается к уровню достижений афганской культуры и при необходимости оказывается в состоянии выразить своими средствами, не отказываясь от естественного и разумного использования заимствований, всю совокупность содержания этих достижений. Однако литературному пашто все еще были присущи некоторые недостатки и слабости предыдущих ступеней развития, и ими в значительной мере определялись задачи тех, кто был причастен к совершенствованию и реформированию языка.

А.Г.Лундин

К ЭТИМОЛОГИИ БИБЛЕЙСКОГО $yōgēbīm$ "ПАХАРИ"

Слово $yōgēbīm$ встречается в библейских текстах дважды, 2 Цар. 25, 12 и Йер. 52, 16, оба раза в одной фразе. Еще один раз встречается близкое $yēgēbīm$, Йер. 39, 10, в том же контексте и даже в таком же рассказе. Контекст довольно ясен и значение слова выступает достаточно определенно. После захвата Иерусалима вавилонянами все жители города и беглецы из округи, укрывшиеся в городе, были высланы в Вавилонию. Лишь в округе было оставлено небольшое число жителей в качестве $kōrēmīm wēyōgēbīm$ "виногра-